

DOI: 10.17805/zpu.2021.2.7

Значение Ф. М. Достоевского в отечественной и мировой философии

А. А. ГОРЕЛОВ

Институт философии РАН

Изложены основные взгляды и идеи Ф. М. Достоевского, определяющие его значение для отечественной и мировой философии. Анализируется связь между такими ключевыми для Достоевского понятиями, как «человечность» и «всечеловечность», и его представлениями о почвенности, русской идее и русском социализме. Показано, что три основных достижения Достоевского заключаются в: 1) исследовании человека на трех уровнях — человекообразности, человечности и всечеловечности; 2) соединении полифоничности с симфоничностью как основой художественно-философского синтеза; 3) соединении его трех основных философских концепций — почвенничества, русской идеи и русского социализма. Эти результаты могут служить основой для создания альтернативного проекта развития российской и мировой цивилизации, очень важного в современную переломную эпоху. Данный проект может строиться на базе отечественного опыта с учетом русского национального характера и опираться на произведения таких гениев прошлого, как Ф. М. Достоевский.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; человечность; широта; всечеловечность; почвенничество; русская идея; русский социализм

*Двухсотлетию со дня рождения
Ф. М. Достоевского посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Федор Михайлович Достоевский был гениальным художником, мыслителем и провидцем. Н. А. Бердяев называет его выдающимся диалектиком и величайшим метафизиком, обладавшим художественной и философской интуицией в высшей степени. Достоевский — «небывалое в мире творческое явление» (Бердяев,

1994: 16). П. Б. Струве отмечал, что «Достоевский был признан не-русским миром самым полным, самым сильным, самым ярким выразителем русского духа» (Струве, 1994: 384). Весь мир высоко оценил огненное слово русского писателя. «Понять до конца Достоевского — значит понять что-то очень существенное в строе русской души, значит приблизиться к разгадке тайны России» (Бердяев, 1994: 12). Мы встречаемся с Достоевским как с нашей «духовной родиной». «Идеи Достоевского — духовный хлеб насущный» (там же: 144), без которого нельзя жить.

При всей своей удаленности от академической философии Достоевский был одним из самых философских писателей, утверждал американский философ Д. Скэнлан (Скэнлан, 2006). «Он, быть может, малому научился у философии, но многому может ее научить» (Бердяев, 1994: 24). Основополагающие идеи Ф. М. Достоевского стали фундаментом русской классической философии второй половины XIX в.

«Для русской (только ли для русской?) мысли Достоевский дал чрезвычайно много — недаром последующие поколения мыслителей в огромном большинстве своем связывали свое творчество с Достоевским» (Зеньковский, 1989: 436). Его можно назвать одним из основоположников таких философских направлений, как экзистенциализм и персонализм. «Достоевский есть та величайшая ценность, которой оправдывает русский народ свое бытие в мире» (Бердяев, 1994: 150).

Как удалось не имевшему специального философского образования и не написавшему, если судить строго, ни одного собственно философского произведения литератору подняться на вершину отечественной и мировой философии? Н. О. Лосский пишет, что «высочайшие достижения философии требуют сочетания двух противоположных и трудносовместимых способностей: способности к абстрактному мышлению в ее высшей форме и способности к конкретному созерцанию реальности на его высшей ступени» (Лосский, 1991: 468). Историк русской философии отмечал, что «в противоположность специальным наукам, т. е. наукам о частных отделах и аспектах мира, на философии лежит печать характера и интересов тех различных народов, которые занимались ею» (там же). В соответствии с огромными синтетическими потенциями русской культуры Достоевский совершил синтез искусства (словесного творчества) и философии под главенством ценностей религиозных. Для этого надо было обладать, помимо таланта писателя и философа, еще и талантом веры. Соединить все это в одном человеке помогла широта русского национального характера (в духовном смысле). При этом художественный и философский таланты соединились в Достоевском не механически, когда философские идеи дополняют художественную ткань произведения, а органически, когда философское как бы возрастает на художественном, образуя художественно-философский синтез. Главной его особенностью является то, что герои Достоевского одновременно и образы, и идеи.

Каждая значительная цивилизация создает свою форму философствования как обобщение опыта ее развития. Такие специфические формы находим в индийской, китайской, античной, арабской, западной культурах. Не остается в стороне и русская философия. В лучших ее образцах неразрывно связаны художественная и мыслительная составляющие. Именно поэтому в качестве вершины русской философии оказался творец, который не писал философских трактатов, а работал в жанре художественной прозы и того, что обычно называют публицистикой.

Достоевский был русским философом и воплотил в своем творчестве характерные особенности русской философии. Он включал свои мысли в уста героев, участвующих в своеобразных философских диалогах, напоминающих диалоги Платона. Иногда такие диалоги надстраиваются над основным сюжетом и превращаются в более или менее независимые вставки (например, «Легенда о Великом инквизиторе», представляющая собой диалог Инквизитора с Христом).

Основные черты русской философии, по Зеньковскому, — антропоцентризм, доминанта моральной установки, приоритет онтологизма над гносеологием, историософичность и т. п. Русская философия «больше всего занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, насколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования» (Зеньковский, 1991: 16; курсив источника. — А. Г.). Панморализм проникает в нем даже в теорию познания. Русской философии присущ идеал цельного знания, т. е. знания как органичного всеобъемлющего единства. Познать цельную истину, как утверждали И. В. Киреевский и А. С. Хомяков, может только цельный человек, обладающий цельным опытом (в том числе нравственным — отсюда значение этики для гносеологии). Свойственный русской философии приоритет антропологических исследований и ее целостный характер как философии сердца присущ и мировоззрению Достоевского. Человек имеет для него главное значение и не столько как познающий, сколько как действующий индивид.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ СИНТЕЗ

Изучая человека, Достоевский преимущественное внимание уделял его душе и духу и той идейной борьбе, которая велась как внутри, так и вне индивида. «Все герои Достоевского поглощены какой-нибудь идеей, опьянены идеей, все разговоры в его романах представляют изумительную диалектику идей» (Бердяев, 1994: 24). Это делает его художником-философом, в котором красота соединяется с добром и истиной. Писателя называли психологом и даже пневматологом, а его метод исследования — психологическим, пневматологическим, метафизическим, мистическим реализмом. Сам Достоевский называл себя «полным реалистом», реалистом «в высшем смысле слова».

Полнота проявилась в том, что Достоевский изучает человека на трех уровнях. Низший уровень простирается на весь диапазон человека, который «широк, слишком широк», и сам страдает от своей широты. Этот уровень можно назвать *человекообразным*, понимая под ним совокупность всех потенций, присущих виду Homo sapiens. Сюда входит и то, о чем говорят русские пословицы: «Образ человеческий, а думка скотская», «Речи человечесьи, а дела дьявольские». Достоевский не собирается «сужать» индивида, а исследует все его глубины и бездны.

Средний уровень изучения — это уровень *человечности*, т. е. деятельности, соответствующий человеческому достоинству и воспринявший правила социализации и моральные установки, стало быть, имеющий «идеал-Я» и следующий ему в той или иной мере. Наконец, высший уровень — это уровень *всечеловечности*, который достигается посредством всемирной отзывчивости и уживчивости со всеми людьми и народами, т. е. через распространение человечности на всех людей.

Путь обретения человечности и всечеловечности — последовательный и бесконечный, и на нем индивида подстерегает опасность уверования в то, что ты уже достиг совершенства. Если индивид станет гордиться своей добропорядочностью, то уподобится евангельскому фарисею (слово это приобрело негативный оттенок). Эволюционная направленность развития идет от человекообразия к человечности и всечеловечности как способности к братству, понимающему и уважительному отношению к другим людям. У Достоевского это представлено в виде лестницы человечности, ведущей к социальному прогрессу.

Достоевский начал свою творческую деятельность с «Бедных людей» — описания «маленького человека», испытывающего всю жестокость социальных отношений, причем описания с жалостью к своим униженным и оскорбленным героям. Здесь несомненно влияние Н. В. Гоголя. Бедные люди для Достоевского такие же братья, как герой «Шинели». В этом смысл приписываемых Достоевскому слов: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”». Гоголь изобразил обыкновенный трагизм жизни в отсутствие гуманного отношения к ближнему. Этот путь выбрал и молодой выпускник инженерного училища. Уже в первом его произведении виден прообраз русской идеи, которая тоже, можно сказать, вышла из гоголевской «Шинели» (из слов «я брат твой»).

Углубленный интерес Достоевского к страдающему человеку, боль о нем, с которых началась его стремительная писательская карьера, продолжились в романе «Униженные и оскорбленные» и в повести «Белые ночи» и связаны с наличием свойственного и Гоголю желания увидеть в другом человеке не объект коммуникации, не средство применения собственных свойств личности (в том числе жалости и т. п.), а полноценного субъекта во всем многообразии его качеств, со всеми его достоинствами и недостатками, осознать в нем брата, достойного любви и уважения. Писатель становится защитником простого человека и выполняет эту социальную функцию вместе с другими представителями великой русской культуры.

Понятие брата на протяжении всей жизни Достоевского оставалось в поле его зрения до последнего романа «Братья Карамазовы» и было одним из главных для него философских понятий и целью, к осуществлению которой стремится индивид. Человек для Достоевского способен сохранять весь диапазон человеческой природы, представлений всех народов, культур и субкультур. Это не противостоит «сужению» человека, только понимается в смысле не механического «обрезания», а в плане синтетического обогащения личности посредством братской любви.

Человечность по отношению к другому выступает как способ увидеть его во всей эмпирической расщепленности и диалектической целостности. Здесь важна вторая линия его творчества, начинающаяся повестью «Двойник», герой которой расщепляется на два различных существа. Тема двойственности человека так захватила писателя, что он признавал, что выше ее по идее он ничего не создал. Начавшееся в молодости изображение двойственности индивида доходит в конце концов до образа черта, возникшего перед Иваном Карамазовым (вспоминается и «черный человек» С. Есенина). Достоевский проводит человека через бездны расщепления. При этом «...великому художнику открывалось больше и открывалось раньше, чем ученым» (Бердяев, 1994: 72). Герои Ф. М. Достоевского экспериментируют над собой (яркий пример — Раскольников), но могут оказаться участниками

экспериментов, устраиваемых миром над ними (князь Мышкин). В результате они доходят до крайних пределов обнаружения своей природы, попадая на каторгу (чего не избежал сам Федор Михайлович), сходя с ума, заканчивая жизнь самоубийством. Такова судьба, выворачивающая их наизнанку. Достоевский исследовал весь широчайший диапазон русской души от ее адских глубин до той высоты, до которой только может подняться человек. Писатель помогает распознать и осознать страшные пропасти бытия и предупреждает читателей об опасностях, которые могут им встретиться.

В начальных своих произведениях Достоевский ведет разговор от первого лица, что помогает ему перевоплощаться в героя, как артист на сцене вживается, по системе Станиславского, в свой персонаж. Автор как бы растворяется в другом. Писатель в совершенстве овладевает техникой перевоплощения и переходит от одной роли к другой, создавая эффект многоголосия. Желание открыть в каждом из своих героев актуальную бесконечность привело к созданию М. М. Бахтиным концепции полифонии, а Достоевского представить создателем нового, полифонического типа романа.

Полифония является адекватным способом демонстрации широты и многообразия индивидуальных миров свободных людей, их способности быть героями-мыслителями. Главные герои Достоевского — не объекты авторского слова, а субъекты собственного слова. Так великий писатель выходит в своих произведениях на всесубъектность, что затем приводит его к идее всечеловечности. «Через это воплощенное конкретное сознание *в живом голосе цельного человека* логический ряд приобщается единству изображаемого события» (Бахтин, 1979: 10; курсив источника. — А. Г.).

Художественно-философские идеи Достоевского — это «идеи-чувства», «идеи-силы», очеловеченные идеи. В его художественных произведениях присутствуют философские монологи и диалоги, а сам он в конце концов займется публичным философствованием (Пушкинская речь). Но реализм Достоевского основывается не на объективном познании неподвижных вечных идей, как у Платона, а на «проникновении» (Вяч. Иванов) в них. Чужое «Я» становится у Достоевского другим субъектом, а совокупность этих «Я» выражает всесубъектность позиции автора. По меткому замечанию О. Кауса, «Достоевский — это такой хозяин дома, который отлично уживается с самыми пестрыми гостями» (цит. по: Бахтин, 1979: 21). Здесь проявляется такое качество русского характера, как уживчивость. Достоевский уживается со своими героями, но остается хозяином построенного им художественного мира.

Впрочем, философичность художественных произведений Достоевского порождает особую трудность — необходимость отделять голос автора от голосов его героев. В большинстве случаев сделать это можно, поскольку мнения героев подтверждаются или нет высказываниями самого автора в его статьях или «Дневнике писателя».

Полифоничность художника помогает анализировать путь индивида к достижению человечности, но для изображения всечеловечности необходима симфония на базе соборности, оберегающей индивидов от грозящих им опасностей. Герои Достоевского ведут философские диалоги, но цель автора — симфония произведений и жизни. Создатель концепции полифонии согласен, что форма и метод определялись предметом исследования — человеком, который полифоничен по

своей сути как поле борьбы между добром и злом. Но Достоевский не ограничивается полифонией, а стремится к симфоничности как вершине. Это со всей очевидностью проявляется в замыслах и идейной основе главных романов автора. Секрет художественно-философского синтеза Достоевского — в единстве образа и идеи, полифонии и симфонии.

В «Записках из подполья» мы погружаемся в глубины человеческого своеволия. В «Преступлении и наказании» показано, как нравственные основы человеческого существа противостоят надуманным безжалостным схемам, ведущим к преступлению. В «Идиоте» князь Мышкин, названный автором Львом Николаевичем (намек на Л. Толстого и его концепцию ненасилия?), терпит поражение в схватке с жизнью и бесами, царящими в ней. В «Бесах» Достоевский восстает против продуцирования насилия и предупреждает об опасности революций, которые возникают не только из-за объективных условий, но и в результате злой воли людей. Так было раньше, так и сейчас. Разница в масштабах. Раньше были национальные революции, сейчас существует опасность глобального изменения миропорядка в результате «цветных» революций в различных странах, объединение которых ведет к глобальной «перезагрузке» через мировой хаос.

В «Подростке» обличается материальная, потребительская направленность развития современной цивилизации, предвещающая общество потребления, в которое человечество вступило во второй половине XX в. В «Братьях Карамазовых» объектом исследования становится распад семейных отношений и поднимается важнейший этический вопрос о цене человеческого счастья. Он решается так же, как его решала философская традиция от античного единства истины, добра и красоты до нововременного категорического императива И. Канта, в соответствии с которым человек должен быть не средством, а целью общественного прогресса. Иван спрашивает брата Алешу, согласился бы тот возвести здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, если бы для этого необходимо и неминуемо предстояло замучить всего лишь одно крохотное созданище. Каждый индивид отвечает на этот вопрос по-своему, в соответствии со своим характером. Но заслуга Достоевского в том, что он заостряет его, обращаясь к целостному существу человека, его сердцу и совести, а не только к его логической составляющей. Алеша не может даже помыслить ответить на него положительно, но Иван может его задать, а Дмитрий может даже спросить об отце: «Зачем живет такой человек?» В образах трех братьев предстают три типа личности — преимущественно чувственный Дмитрий, рассудочный Иван и целостный Алексей. Иван не участвует в убийстве, но его «двойник» Смердяков понимает его слова как возможность и оправдание убийства отца.

Вообще, в каждом романе Достоевского (особенно во входящих в так называемое пятикнижие) господствует одна главная мысль, которая развивается в контексте современности и широкой русской души. В то же время наряду с преобладающим планом широты остается и план человечности, решающий проблему достойного поведения в подчас бесчеловечной социальной среде, где «бесы побеждают идиота».

Последующие образы зачастую воспроизводят более ранние, рассматривая их с новой стороны. Образ Ивана Карамазова предстает как дальнейшее развитие образа Раскольниковца, но Иван преимущественно озабочен логическим обоснованием действий, а не собственным поведением как таковым. Раскольников рассудочно оправдывает убийство и осуществляет его, но это так потрясает его душу, что он

раскаивается в содеянном. Он не выносит последствий своего рассудочного вывода, санкционированного прагматическими соображениями пользы.

Достоевский верил в искупительную силу страданий. Для него человек — ответственная личность, способная на перевыбор, если целостная природа души не приняла первичное решение. Путь свободы есть путь страдания и сострадания. «"Диалектика души", разрабатываемая Достоевским, — это не диалектика вечных антиномий, а мучительных обновлений человека, разомкнувшего кольцо индивидуалистического сознания, вобравшего в свою душу и мысль, и надежды, и сомнения других людей, жаждущего справедливости и человеческой солидарности» (Богданов, 1973: 45). Достоевский верил в то, что в страдании сгорает зло, существующее в мире, но не могущее быть «нормальным состоянием людей» (слова героя «Сна смешного человека»).

Художественная форма философствования Достоевского давала его философии возможность стать в соответствии с традициями русской культуры философией сердца как средоточия личности. И кому же заниматься антропологическим исследованием о пределах человеческой природы, как не русскому человеку с его широкой душой и не на русском материале! Сам писатель, по его собственным словам, «везде и во всем доходил до последнего предела», «всю жизнь за черту переходил». «Чтобы стать "народом"... нужно лишь обратиться к собственной глубине. <...> Достоевский и есть "народ", более народ, чем все крестьянство России» (Бердяев, 1994: 119). О. Шпенглер назвал Достоевского «крестьянином», хотя в буквальном смысле тот никогда не занимался земледелием. Но в душе писателя навсегда сохранились впечатления от посещения кремлевских храмов в детстве и от семейного чтения произведений русской литературы.

За несколько лет до смерти Достоевский рассказал о том, как мужик Марей успокоил его, девятилетнего мальчика, испугавшегося волка. Такой пример может светить в течение всей жизни и поддерживать в самые тяжелые периоды испытаний. «Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как бы нечто совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлую любовью взглядом, а кто его заставлял?.. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика... Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?» (Достоевский, 1994: 56). В 28 лет арест и осуждение на каторжные работы поневоле заставили молодого писателя тесно сблизиться с народом и узнать его во всей его многогранности.

Широта человека неизбежно поднимает вопрос об условиях, при которых нечто становится возможным и оправданным. Это приводит к максиме: «Если Бога нет, то все дозволено». Любовь к Богу, следующая из этого любовь к ближнему и реализация ее в братстве всех людей — таков ответ Достоевского на сомнения в существовании Бога. «Бог есть потому, что есть зло» (Бердяев, 1994: 58), которое проявляется на путях свободы, которую поэтому приходится ограничивать. Вера в Бога — ограничитель человеческой свободы, заставляющий понять, что не все дозволено. Человек же, вставший на путь своеволия, духовно убивает себя, а через самоограничение обретает человечность.

Достоевский проводит нас через тьму, но не за тьмой последнее слово. В глубинах человека писатель открывает не только бездны, но и сияющую вершину, в основании которой находится «инстинкт всечеловечности». В первой статье основанного им журнала «Время», начавшего выходить с 1861 г., Достоевский писал: «Мы поняли в нем (Пушкине. — А. Г.), что русский идеал — всецелостность, всепримиримость, всечеловечность» (Достоевский, 1973: 55). За несколько лет до Пушкинских торжеств Федор Михайлович вкладывает в уста героя «Подростка» такие слова: «У нас созданся веками какой-то еще нигде не бывший высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления “за всех”» (цит. по: Бердяев, 1994: 126). Пушкинская речь стала вершиной публичного философствования Достоевского. В Пушкине, первом из плеяды золотого века русской культуры, он отмечает «способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций <...> Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим...» (Достоевский, 2007: 394). Всемирная отзывчивость служит выражением всечеловечности. Это процесс актуализации в индивиде «идеала-Я» как части «идеала-Мы».

К пушкинским образам представителей высшего общества, лишенных корней и не связанных с жизнью народа (Алеко, Онегин), Достоевский обращает призыв: «Смирись, гордый человек», «Образумься, праздный человек». Он борется против индивидуальной гордыни и противопоставляет ей подлинно народный образ Татьяны Лариной. Достоевский увидел в Пушкине прообраз будущего человечества (как ранее увидел его в Гоголе). Если добавить сюда высочайшую оценку романа «Анна Каренина», особенно сцены, когда у одра больной героини «преступники и враги вдруг превращаются в существа высшие, все простившие друг другу» (Достоевский, 1994: 224), то можно заключить, что таким прообразом для Достоевского была вся великая русская литература, в которую он вошел на равных правах, став частью этой «могучей кучки».

Пушкинская речь сделала почти невозможное — объединила, пусть на время, славянофилов и западников. «Речь Достоевского о Пушкине была не только событием, но останется самым ярким и самым полновесным фактом в истории русского духовного развития», — писал Струве (Струве, 1994: 385). Во всечеловечности русского народа есть опасность чрезмерного влияния на него других наций (что Шпенглер называл псевдоморфозом), но есть в этом и потенции достижения братской любви и справедливого общественного устройства во вселенском масштабе.

Имеет ли слово «всечеловечность» какой-то практический смысл, особенно в приложении к русскому народу? Да, несомненно. Инстинкт всечеловечности воплотился в практику взаимодействия русского народа с другими народами, населяющими Россию. Выдающийся социолог XX в., эмигрант П. Сорокин почти через 100 лет после введения Достоевским этого понятия писал: «...российская история вполне свободна от дискриминации, притеснения и эксплуатации нерусских национальностей России со стороны русской нации. В настоящее время нерусскому населению даны привилегии свободы и конституционные права, которыми не обладает даже сама русская нация» (Сорокин, 1999: 479–480). Приобщение к русскому духу дает возможность осознать свойственную ему всесубъектность и выразить универсальную черту, которая позволяет русскому духу иметь значение для всех народов нашей планеты.

*ЦЕЛОСТНОСТЬ ОСНОВНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ
ДОСТОЕВСКОГО*

Исследование широты человеческой природы требовало представления героев как неслиянных и относительно независимых индивидов. Достоевский осуществил это в своем художественном творчестве, что дало возможность в первой половине XIX в. Бахтину выдвинуть концепцию полифонии и представить Достоевского как создателя новой формы романа — полифонического. Но вторая сторона творчества Достоевского — философская — требовала представить идеи как законченную систему взглядов. Федор Михайлович не остановился на стадии полифонии, но и не вернулся к монологичности, а устремился к симфоничности, когда неслиянность персонажей сочетается с единством философского замысла и его реализации. Именно на этой стадии и утверждаются три основные философские идеи Достоевского, соединенные общей нитью. Спецификой его философского творчества было то, что в отличие от других направлений, например марксизма, он шел к своим концепциям не от изучения общественных отношений, а от исследования человека, совершив художественно-философский синтез. Его философские идеи не добавляются к художественным произведениям, а вырастают из них. Вдохновленный примером русского гения, французский экзистенциалист А. Камю, названный «совестью XX века», предложил такой афоризм: «Хочешь стать философом, пиши романы».

Через исследование триады «человекообразность — человечность — всечеловечность» — Достоевский вышел на три свои главные философские концепции — почвенничество, русская идея и русский социализм. По возвращении в Петербург в 1859 г. в объявлении о начале выпуска нового печатного органа — журнала «Время» — он формулирует концепцию почвенничества и вводит понятие русской идеи, ставшей одной из краеугольных основ отечественного философствования.

«Достоевский любил называть себя “почвенником” и исповедовал почвенную идеологию. И это верно лишь в том смысле, что он был и оставался русским человеком, органически связанным с русским народом. Он никогда не отрывался от национальных корней» (Бердяев, 1994: 22). «Почва» для Достоевского — это присущий русскому человеку «инстинкт общечеловечности» (Богданов, 1973: 27), его исключительная способность проникаться общечеловеческими интересами. В этом инстинкте — залог русской идеи, которую Россия призвана высказать миру. «Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и народных начал» (Достоевский, 1973b: 526). Почва русская содержит «золото» высокосинтетической способности всепримиримости, всечеловечности.

В статье «О любви к народу» Достоевский отмечал у русского народа «его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (Достоевский, 1994: 49–50). Всепонимание и способность встать на точку зрения другого и пережить чужую беду как свою Достоевский считал истинно русской чертой, которая была вполне присуща и ему самому. Он ставил в заслугу русской литературе, что «она преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные» (там же: 50). Достоевский пишет: «...мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться

перед правдой народной и признать ее за правду <...> Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non* [обязательно]: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой» (там же: 51). Он неоднократно повторял, что «вся беда от давнего разъединения высшего интеллигентного сословия нашего с низшим, с народом нашим» (Достоевский, 2007: 463), духовный разрыв между образованной элитой русского общества и широкими народными массами. Любимая мысль Достоевского после возвращения с каторги — о братском слиянии сословий.

Почти одновременно с концепцией почвенничества Достоевский развивает понятие русской идеи, которое он впервые использовал в письме А. Н. Майкову 18 января 1856 г. Писатель называет это русской идеей, потому что основывающийся на «инстинкте всежизненности» всечеловеческий отклик «в русском народе даже сильнее, чем во всех других народах, и составляет его высшую и лучшую характерность» (Достоевский, 1973а: 88).

Русская идея является синтетическим творением, имеющим универсальное значение, вытекающее из того, что Россия «не Запад и не Восток, а Востоко-Запад, встреча и взаимосвязи восточных и западных начал» (Бердяев, 1994: 123). Федор Михайлович проводит мысль, что русская цивилизация в высшей степени способна синтезировать специфические особенности других наций (как западных, так и восточных) и, стало быть, вместить в себя идею всечеловеческого единения и братской любви. Продвигаясь по пути русской идеи, русский человек реализует свое всемирное назначение. «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» (Достоевский, 2007: 413).

Русская идея не является неизменной, застывшей. Она развивалась на протяжении столетий. «Таким образом, через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве...» (Достоевский, 1994: 207; курсив источника. — А. Г.). Этому помогло русское скитальчество и странничество духа.

Именно потому, что Достоевский был истинно русским человеком, он смог сформулировать русскую идею, хотя и соглашался с тем, что вера в братство людей, во всепримирение народов и в самое обновление людей есть утопия, и причислял себя к утопистам. Он отмечал: «...идеализм есть дело вовсе не стыдное. <...> идеализм, в сущности, точно так же реален, как и реализм, и никогда не может исчезнуть из мира. <...> народам дороже всего — иметь идеалы и сохранить их...» (там же: 235). Но писатель был в достаточной степени реалистом, чтобы заключить, что для полного братства *нужно братство с обеих сторон*.

Проблема социализма была в центре внимания Достоевского в течение долгого времени, начиная с участия в кружке Петрашевского, за что он попал на каторгу. При этом он отдавал себе отчет в том, «что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегните зла» (там же: 223). Он критиковал наивную веру в простоту воплощения социализма в жизнь. XX век продемонстрировал сложность построения нового общества в условиях манипулирования человеческим сознанием, в том числе глобальными СМИ. Достоевский провидел опасность того, что революционный социализм, одержимый стремлением к абсолютному равенству, может прийти

к своей противоположности — господству небольшой элитарной группы над всем народом.

Русский гений отверг в «Легенде о Великом инквизиторе» единство, основанное на военной силе, авторитете и чуде. Французская революция была для него видоизменением древней римской формулы всесветного объединения огнем и мечом. Писатель шел к русскому социализму от русской идеи и противопоставил социальную любовь социальной ненависти. Отличительная черта русского социализма в противоположность западному капитализму заключается в стремлении к братству людей и народов, основанному не на крови и «слезинке ребенка», а на традиционных соборных обычаях социальной жизни. «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского; он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» (там же: 461; курсив источника. — А. Г.). Социализм Достоевского — братское, всечеловеческое общежитие.

В подлинно великих людях есть цельность и целостность. «В идеале “целостности” заключается, — писал Зеньковский, — действительно одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» (Зеньковский, 1991: 17).

ДОСТОЕВСКИЙ И МЫ

По Бердяеву, в начале XX в. начинается эра «достоевщины» в русской мысли и в русской литературе. «Наиболее сложная и тонкая русская метафизическая мысль вся протекает в русле, проложенном Достоевским, вся от него идет. <...> Русская революция очень приблизила к нам Достоевского» (Бердяев, 1994: 142). Еще теснее соединила его с нами перестройка и нынешняя постперестроечная эпоха. Федор Михайлович помогает понять прошлую и будущие пертурбации. «Достоевский был явлением духа, пророчествующим о том, что Россия летит в бездну» (там же: 143), но он не хотел этого, и русская идея призвана была предотвратить подобное развитие событий.

Русская философия всегда занималась осмыслением существующей социальной ситуации. Так было после русской революции 1917 г. и после того, что в конце XX в. А. А. Зиновьев назвал «катастрофкой». Результатом ее стало превращение России из сверхдержавы в демографическую яму, размером в одну седьмую часть поверхности суши, находящуюся между заполняемой мигрантами Европой и бурно развивающимся Китаем. В настоящее время мир расколот и расщеплен вплоть до Капитолийского холма и опутан сетями ковида. Но и в кульминационный момент мировой истории продолжают нам светить гении отечественной и мировой культуры, указующие путь вперед.

Достоевский становится все более актуальным. Ныне, когда ставится задача создания альтернативного проекта развития российской цивилизации в постперестроечный период, идеи Достоевского вновь приобретают злободневность. Современная философия постоянно обращается к нему. А. В. Гулыга в книге «Русская идея и ее творцы» объясняет, как из почвенничества возникает всемирное боление за всех: «Чем сильнее привязанность к родной земле, тем скорее она перерастает в понимание того, что судьба родины неотделима от судьбы всего мира» (Гулыга, 2003: 117). Как русский народ соединяет в себе души различных народов, так До-

стоевский соединяет в себе души всех героев, достигая полифонии, объединенной симфонией собственной души автора. Достоевский является не только создателем новой формы художественного творчества — полифонии, но и новой формы художественно-философского творчества — симфонии писателя и мыслителя.

В вышедшей в 2019 г. книге философа, академика РАН А. В. Смирнова «Всечеловеческое vs общечеловеческое» Достоевскому посвящена одна из ключевых глав. Данная работа нацелена на создание альтернативного постперестроечного проекта развития российской цивилизации как образца для глобального прогресса мира. Завершая разбор концепции всечеловечности, Смирнов замечает, что нельзя перепрыгнуть с первой ступеньки русских традиций человечности на третью ступеньку всечеловечности, минуя вторую ступеньку реального существования России в евразийском контексте. «Без “подпитки” вторым уровнем национальная культура вырождается в провинциализм. <...> Между первым и третьим уровнем *обязательно* должен быть второй: нельзя принадлежать сразу “миру”, не опираясь на общее с другими культурами коллективное когнитивное бессознательное, не имея этого “запаса прочности” и источника творчества» (Смирнов, 2019: 208; курсив источника. — А. Г.). Перепрыгнуть ступеньку на лестнице идентичности так же невозможно, как, скажем, миновать стадию семьи на пути к братскому единению народов (о чем предупреждал А. С. Хомяков).

Достоевский, который особенно остро сознавал необходимость приобщения к родной почве и одновременно необходимость всечеловечности для братского единения всех народов, может помочь в этом. Некоторые основания для обвинения самого Федора Михайловича в скитальчестве дает то обстоятельство, что он хотел понять происхождение того направления в русской общественной мысли, которое получило название западничества. Он объяснял его близостью нашей к Европе, глубиной восприятия ее достижений в Петровскую и постпетровскую эпохи. Этот феномен анализировал в XX в. А. Тойнби, который назвал русскую и западную цивилизации сестринскими. Русская цивилизация ближе к западной и территориально, и по своему генезису, и этим объясняется особый ее интерес к западной мысли.

В конце своего жизненного пути Достоевский с горечью замечал, что «служа Европе, мы получили одну ее ненависть» (Достоевский, 2007: 477). «Главная причина этого именно в том и состоит, — утверждал он, — что они не могут никак нас *своими* признать. <...> Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. <...> Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, что они, в человечество — вот причина!» (там же: 478; курсив источника. — А. Г.).

В последнем «Дневнике писателя», который вышел уже после смерти Достоевского, он, как и Менделеев, провозгласил путь России на восток и его перспективы. «Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила» (там же: 481). Это аналогично тому, что сейчас пишут про значение освоения Арктики. Были предложены и сугубо практические задачи, например построить две железные дороги — одну в Сибирь, другую — в Среднюю Азию, которые вскоре осуществились. Впрочем, в последнем «Дневнике писателя» слышатся теперь и нотки сомнения, что все может устроиться вскоре. Страстная натура Достоевского как бы ступшевуается и замирает от столкновения с действительностью. Такие нотки были явственно слышны и в последний пе-

риод жизни Гоголя. Здесь чувствуется усталость от жизни. В скептических словах «остроумного бюрократа» Федор Михайлович «увидел нечто» верное, настораживающее. Но и в конце своего жизненного пути Достоевский продолжает верить в великое назначение России. «Россия не в одной только Европе, но и в Азии, потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход» (там же: 476). Эти слова также оказались пророческими.

Русская идея, которая не придумана, а скорее осознана и выражена Достоевским, помимо позитивных продолжений, ведущих к взаимопониманию и братству народов, влечет за собой и возможность негативных последствий, выражающихся в расщеплении целостности национального сознания из-за нарастающей конкурентной борьбы цивилизаций, которая, как показывают события XX в., стимулирует опасности национального самоотречения. Преодоление этих трудностей требует неустанной духовной и душевной работы, за успешность которой несет ответственность уже не Достоевский, а следующие за ним поколения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Достоевского можно условно разделить на три этапа. На первом, *человечном, или гуманном*, он, находясь под влиянием Гоголя, описывал простых людей, относясь к ним как к братьям — с любовью-жалостью. На следующем, *полифоническом*, этапе он воспроизводил ближнего во всей широте его человеческой природы. На третьем этапе, *симфоническом, или всечеловеческом*, писатель продолжал изображать своих героев во всем объеме их потенциалов, но находящийся внутри него философ призывал установить братские отношения всех людей и народов и видел в этом миссию русского народа и русской литературы. Отмеченные этапы не сменяют друг друга, а как бы прорастают один из другого. Человечность постепенно расширяется до всечеловечности как идеала социального общежития.

Достоевский верил в великое предназначение России и мира. «И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России, может быть, скорее, чем где-нибудь» (там же: 127). В то же время он был «апокалиптическим человеком последних времен» (Бердяев, 1994: 88). Персонаж «Бесов» Кириллов желает своим самоубийством утвердить человекобожие. Великий инквизитор говорит Христу, что на месте храма Его воздвигнется новое здание, вновь строящаяся Вавилонская башня. В эпоху глобализации и ковида перед индивидами встают те же вопросы, которые мучили Достоевского. По его словам, человек есть тайна, которую предстоит разгадать. И он посвятил всю свою жизнь поискам человека в человеке. Сам Достоевский был и остается тайной, которую человечество еще долго будет разгадывать.

Многие пытались подражать синтетическому методу великого писателя, но мало у кого получалось. Сейчас, когда все настойчивее раздаются голоса, требующие сокращения населения планеты до золотого миллиарда и уменьшения культурного разнообразия цивилизаций, философия Достоевского, выраженная в терминах почвенничества, русской идеи и русского социализма, служит глобальной альтернативой уничтожения большинства населения планеты огнем, мечом, а может быть, и биологическим оружием (что становится технически возможным). Альтернатива, предложенная русским гением, является истинно эволюционной, а в проповеди ее — подлинное значение великого писателя и мыслителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1979) Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия. 320 с.
- Бердяев, Н. А. (1994) Миросозерцание Достоевского // Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. Т. 2. М. : Искусство. 510 с. С. 7–150.
- Богданов, В. А. (1973) Искусство как «новое слово» о мире и человеке (Формирование эстетических взглядов Ф. М. Достоевского) // Ф. М. Достоевский об искусстве / сост. В. А. Богданов. М. : Искусство. 632 с. С. 6–48.
- Гулыга, А. В. (2003) Русская идея и ее творцы. М. : ЭКСМО. 448 с.
- Достоевский, Ф. М. (1973а) Статьи и рецензии // Ф. М. Достоевский об искусстве / сост. В. А. Богданов. М. : Искусство. 632 с. С. 50–185.
- Достоевский, Ф. М. (1973б) Объявление о подписке на журнал «Время» // Ф. М. Достоевский об искусстве / сост. В. А. Богданов. М. : Искусство. 632 с. С. 523–528.
- Достоевский, Ф. М. (1994) Собр. соч. : в 15 т. СПб. : Наука. Т. 13. Дневник писателя 1876. 542 с.
- Достоевский, Ф. М. (2007) Собр. соч. : в 9 т. М. : Астрель ; АСТ. Т. 9. Кн. 2. Дневник писателя. 523 с.
- Достоевский, Ф. М. (1972) Полн. собр. соч. в 30 т. Л. : Наука. Т. 24. 423 с.
- Зеньковский, В. В. (1991) История русской философии : в 2 т. Л. : Эго. Т. 1. Ч. 1. 221 с.
- Лосский, Н. О. (1991) История русской философии. М. : Советский писатель. 480 с.
- Скэнлан, Д. (2006) Достоевский как мыслитель / пер. с англ. Д. Васильева и Н. Киреевой. СПб. : Академический проект. 256 с.
- Смирнов, А. В. (2019) Всечеловеческое vs общечеловеческое. М. : ООО «Садра» : Издательский дом ЯСК. 216 с.
- Сорокин, П. (1990) Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука. 528 с. С. 463–489.
- Струве, П. Б. (1994) Достоевский — путь к Пушкину // Русская идея : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов, коммент. Н. Б. Злобина. Т. 2. М. : Искусство. 684 с. С. 381–386.

Дата поступления: 28.03.2021 г.

THE SIGNIFICANCE OF F. M. DOSTOEVSKY IN RUSSIAN AND WORLD PHILOSOPHY

A. A. GORELOV

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The author presents the main views and ideas of F. M. Dostoevsky, which determine his significance for Russian and world philosophy. The article analyses the relationship between such key concepts for Dostoevsky as humanity and all-humanity and his ideas about the *pochvennichestvo*, the Russian idea and Russian socialism. It is shown that the three main achievements of Dostoevsky are: 1) the study of man on three levels — humanism, humanity and all-humanity; 2) the combination of polyphony with symphony as the basis of artistic and philosophical synthesis; 3) the combination of his three main philosophical concepts — *pochvennichestvo*, the Russian idea and Russian socialism. These results can serve as a basis for creating an alternative project for the development of Russian and world civilization, which is very important in the current critical era. This project can be based on the domestic experience, taking into account the Russian national character, and rely on the works of such geniuses of the past as F. M. Dostoevsky.

Keywords: F. M. Dostoevsky; humanity; breadth; all-humanity; *pochvennichestvo*; Russian idea; Russian socialism

REFERENCES

- Baxtin, M. M. (1979) *Problemy` poe`tiki Dostoevskogo*. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 320 p. (in Russ.).

- Berdyayev, N. A. (1994) *Mirosozerczanie Dostoevskogo*. In: *Filosofiya tvorchestva, kul'tury` i iskusstva*. Vol. 2. Moscow, Iskusstvo. 510 p. P. 7–150. (In Russ.).
- Bogdanov, V. A. (1973) *Iskusstvo kak «novo slovo» o mire i cheloveke (Formirovanie esteticheskikh vzglyadov F. M. Dostoevskogo)*. In: *F. M. Dostoevskij ob iskusstve (1973)* / comp. by V. A. Bogdanov. Moscow, Iskusstvo. 632 p. Pp. 6–48. (In Russ.).
- Guly`ga, A. V. (2003) *Russkaya ideya i ee tvorcy*. Moscow, E`ksmo. 448 p. (In Russ.).
- Dostoevskij, F. M. (1973a) *Stat'i i recenzii*. In: *F. M. Dostoevskij ob iskusstve (1973)* / comp. by V. A. Bogdanov. Moscow, Iskusstvo. 632 p. Pp. 50–185. (In Russ.).
- Dostoevskij, F. M. (1973b) *Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal "Vremya"*. In: *F. M. Dostoevskij ob iskusstve* / comp. by V. A. Bogdanov. Moscow, Iskusstvo. 632 p. Pp. 523–528. (In Russ.).
- Dostoevskij, F. M. (1994) *Sobranie sochinenij*: in 15 vol. St. Petersburg, Nauka. Vol. 13. *Dnevnik pisatelya 1876 god*. 542 p. (In Russ.).
- Dostoevskij, F. M. (2007) *Sobranie sochinenij*: in 9 vol. Moscow, Astrel` ; AST. Vol. 9. Book 2. *Dnevnik pisatelya*. 523 p. (In Russ.).
- Dostoevskij, F. M. (1972) *Poln. sobr. soch.* in 30 vol. Leningrad, Nauka. Vol. 24. 423 p. (In Russ.).
- Zen`kovskij, V. V. (1991) *Istoriya russkoj filosofii*: in 2 vol. Leningrad, E`go. Vol. 1. Part. 1. 221 p. (In Russ.).
- Losskij, N. O. (1991) *Istoriya russkoj filosofii*. Moscow, Sovetskij pisatel`. 480 p. (In Russ.).
- Skenlan, D. (2006) *Dostoevskij kak myslitel'* / transl. from English D. Vasil'ev and N. Kireeva. St. Petersburg, Akademicheskij proekt. 256 p. (In Russ.).
- Smirnov, A. V. (2019) *Vsechelovecheskoe vs obshchchelovecheskoe*. Moscow, ООО «Sadra»: Izdatel'skij Dom YaSK. 216 p. (In Russ.).
- Sorokin, P. (1990) *Osnovny`e cherty` russkoj nacii v dvadczatom stoletii*. In: *O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofij` russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya*. Moscow, Nauka. 528 p. P. 463–489. (In Russ.).
- Struve, P. B. (1994) *Dostoevskij — put` k Pushkinu*. In: *Russkaya ideya*: in 2 vol. / comp. by V. M. Piskunov, komment. By N. B. Zlobin. Vol. 2. Moscow, Iskusstvo. 684 p. Pp. 381–386. (In Russ.).

Submission date: 28.03.2021.

Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем творчества Института философии РАН. Адрес: 119842, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12. Тел.: +7 (495) 697-91-28. Эл. адрес: evolepis@iph.ras.ru

Gorelov Anatoliy Alekseevich, Doctor of Philosophy, Leading Research Fellow, Sector of Philosophical Problems of Creativity, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 119842. Tel.: +7 (495) 697-91-28. E-mail: evolepis@iph.ras.ru